

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₂₀₎
весна — лето
2014

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Послание Петра Филиппу» (*NHC VIII.2. 132.10–140.27; CodTch 1.1–9.17*). Введение, перевод с коптского языка, комментарий *А.Л. Хосроева* 5
- Наказ Тодзю*. «Беседы со старцем». Предисловие, перевод фрагментов с японского языка, комментарий *К.Г. Маранджян* 31
- Т.А. Пан*. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) 38

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева*. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н.э. 45
- Б.Б. Лаикарбеков**. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах 58
- И.В. Герасимов, Абд ал-Азиз Хасан, Сумейя*. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха 64
- В.М. Рыбаков*. Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества 75
- И.С. Гуревич*. Грамматическая стилистика текстов *тинхуа* (на материале «Заново составленного *тинхуа* по истории Пяти династий») 89
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийская эпическая мифология: основные характеристики 100

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Прозоров*. Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах (по материалам арабской рукописи сочинения по суфизму ‘Азизи Шайзалы, ум. в 494/1100 г.) 114
- Ю.А. Иоаннесян*. Комментарий Баба на суру «ал-Каусар» 126
- О.М. Чунакова*. Среднеперсидские манихейские фрагменты из Туяк-Мазара 143
- М.В. Фионин*. История изучения новозаветных лекционариев (краткий обзор) 148

Наука — Восточная литература
2014

<i>Е.П. Островская.</i> О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван	160
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН)	168

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>К.К. Курдоев.</i> Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза. Предисловие и публикация текста <i>З.А. Юсуповой</i>	180
<i>С.С. Сабрукова.</i> Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН)	201
<i>К.В. Алексеев, А.А. Туранская, Н.В. Ямпольская.</i> Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН	206
<i>И.Г. Алимбарашвили.</i> Из взаимоотношений Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетухуцесишвили	225
<i>Е.О. Шухман.</i> Еврейские палеотипы в коллекции ИВР РАН (краткий обзор)	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.А. Воднева.</i> Ежегодная (годовая) научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения». К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПб., 2–4.12.2013)	243
<i>М.М. Юнусов.</i> Петербургский институт нудайки. Третья ежегодная конференция по нудайке и востоковедению (СПб., 17.12.2013)	252
<i>И.В. Кульганек, Т.А. Пан.</i> Шестая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток — 2013» (СПб., 26.03.2014)	257
<i>С.Х. Шомахмадов.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Первое заседание: доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописи из коллекции М. Скоена (Martin Schøyen)» (СПб., 16.04.2014)	260
<i>Н.О. Чехович.</i> Конференция «Администрация и бюрократия на Древнем Востоке (к 125-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве)» (СПб., 22–23.04.2014)	262
<i>Е.П. Островская.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Второе и третье заседания: доклад Т.В. Ермаковой «Собиратели рукописей индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН» (СПб., 12 и 21.05.2014)	265

РЕЦЕНЗИИ

На четвертой стороне обложки: Маньчжуро-китайский диплом из маньчжурской коллекции ИВР РАН, шифр С 30 mss (к статье Т.А. Пан)	
Над номером работали: Г.О. Ковтунович А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова А.Е. Танчарова Е.А. Пронина	
<i>The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp. (К.Г. Маранджян)</i>	267
<i>Пэн Сян-цян 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэнли яньзюо 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с. (Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова)</i>	269
<i>Дмитрий Цолин.</i> Арамейский язык библейских тестов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. (В. Голенец)	274
<i>Ю.В. Болтач.</i> Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с. (И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян)	275
«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Вступит. ст. академика В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 (И.Ф. Попова)	276
© Российская академия наук, 2014 © Институт восточных рукописей РАН, 2014	

Ю.А. Иоаннесян

Комментарий Баба на суру «ал-Каусар»

Статья посвящена одному из самых мистических и достаточно ранних писаний основателя бабизма, Баба — Комментарию на кораническую суру «ал-Каусар». Хотя последняя состоит всего из четырех строк, Комментарий охватывает более двухсот страниц, и в нем, помимо толкования множества аспектов каждой буквы составляющих указанную суру слов, рассматривается ряд концептуальных положений, таких как «скрытый имам», «доказательство Божие», природа божественных знамений — стихов и др. Книга изобилует образностью, а миссия носителя нового религиозного откровения, на которую претендует Баб, раскрывается посредством особого символизма. Исследование проведено на основе текста очень ранней рукописи, появившейся на свет еще при жизни самого Баба.

Ключевые слова: Баб, бабизм, пророки, религия, вера бахаи, символические и мистические толкования.

Основатель бабизма — Баб (Сайид ‘Али Мухаммад Ширази) немногим менее чем за семь лет (1844–1850) со времени провозглашения им своей духовной миссии и до момента его казни явил множество книг и текстов религиозного содержания, составивших корпус священных писаний бабизма (а позже вместе с текстами Бахауллы и священных книг веры бахаи). Большая часть этого наследия Баба не переведена на европейские языки. Баб сам классифицировал свои писания следующим образом: стихи на арабском языке (آیات), молитвы-обращения (مناجات), толкования/комментарии (تفاسیر), тексты в форме научных трактатов (صور علمیه), речения по-персидски (کلمات فارسیه). Ко всем писаниям Баба в широком смысле, по собственному определению основателя бабизма, может прилагаться термин «Байан» — букв. «изъяснение», «изложение», но прежде всего он относится к стихам (*айатам*) на арабском языке (Баб. Персидский Байан, вахид 3, гл. 17, вахид 6, гл. 1)¹.

Комментарий на суру «ал-Каусар», который сам Баб в тексте называет «книгой», написан на арабском языке во время ширазского периода его жизнедеятельности и обращен к видному исламскому богослову, ставшему после ознакомления с этим писанием бибидом и сыгравшему впоследствии значительную роль в истории этого движения — Сайиду Йахйа Дараби, известному также как «Вахид». Обстоятельства появления этой книги описаны в нескольких хрониках², что дает возможность довольно точно ее датировать сентябрем–октябрем 1845 г.³ и соответственно отнести к сравнительно ранним текстам Баба, т.е. написанным до 1847 г. и предшествующим *Персидскому Байану*. Хотя по возвращении в Шираз из Бушира, на пути из Мекки, 15 мая 1845 г. Баб был помещен под домашний арест, из-под его пера вышло множество текстов, и, как справедливо отмечает Р. Стокман (R. Stockman), наиболее значи-

¹ См. также: Иоаннесян, 2003, с. 70 (примеч. 1).

² См.: Набйл-и А‘зам, 2004, с. 161–166; Browne. Catalogue and Description of 27 Babi MSS, p. 637–638, 643; *A Traveller's Narrative* written to illustrate the Episode of the Bab. V. 2, p. 7–8.

³ См.: Cameron & Momen, p. 24.

мым из них является *Комментарий на суру «ал-Каусар»*⁴. Знаменательно, что когда позднее *имам-джум'а*⁵ Исфахана попросил Баба написать для него комментарий, то выразил пожелание, чтобы было явлено нечто подобное *Комментарию на суру «ал-Каусар»*⁶.

В источниках сообщается⁷, что по мере того, как Баб приобретал известность и оказывал все большее воздействие на умы, правящий в Персии монарх Мухаммад-шах решил послать к нему видного ученого-богослова Сайида Йахья Дараби, чтобы исследовать, насколько заявления Баба истинны. Во время третьей встречи Баб взялся за перо и написал этот Комментарий, который поразил богослова и привел его в лоно бабизма.

Рукопись с текстом этого писания в собрании ИВР РАН отсутствует. Брауном описана находившаяся в его собственности рукопись, датированная 1296/1879 годом⁸. Она намного более поздняя, чем представленная на сайте: <http://www.h-net.org/~bahai/areprint/bab/S-Z/tafkaw/tafkawthar.htm>, по которой мы изучали текст этого Комментария. В колофоне ее переписчика указано, что она появилась в Ираке (عراق العرب) в 1264/1847–1848 гг., т.е. еще при жизни самого Баба. И содержательно, насколько позволяют судить цитируемые Брауном отрывки из его рукописи, иракский список полнее. Так, в рукописи Брауна отсутствует предание, приводимое в заключительной части рукописи из Ирака, о чем будет сказано ниже. *Комментарий на суру «ал-Каусар»* уделено внимание известными на Западе исследователями бабизма — Надером Саеди (Nader Saiedi) и Армином Эшраги (Armin Eschraghi). Мы будем прибегать к их работам по мере необходимости.

Кораническая сура «ал-Каусар» состоит всего из четырех коротких строк, тогда как Комментарий Баба насчитывает более двухсот страниц⁹. И если первое по времени писание Баба после объявления им своей миссии — *Каййум ал-асма*, несмотря на то, что получило второе название — *Комментарий на суру Йосифа*, состоит из стихов-*айатов* в стиле Корана, представляющего собой рифмованную прозу, и, по нашему мнению, к категории «комментариев» может быть причислено весьма условно, то *Комментарий на суру «ал-Каусар»* соответствует данному определению. Написанный по-арабски, он стилистически существенно отличается как от некоторых других книг Баба на арабском языке, например, от упомянутой выше *Каййум ал-асма* или *Китаб ар-рух* (в нем нет рифмованной прозы, и он не делится на суры), так и от толкований, бытовавших у исламских комментаторов. Р. Стокман пишет: «Баб также несколько завуалировал статус, на который претендовал, посредством написания *тафсиров*, или комментариев к Корану. Коранические комментарии были давним и почетным видом литературы, не связываемым с Пророком. Баб же использовал *тафсир* для заявления своих прав на то положение, которое для себя определял, а также для четкого изложения своей теологии и размежевания с традиционными шиитскими толкованиями ислама по ключевым позициям. Итак, он использовал уважаемое старое литературное средство принципиально новым образом»¹⁰ (Stockman, здесь и ниже пер. наш). «Уникальный аспект комментариев Баба, — продолжает Стокман, — состоит в том, что он раскрывал значение текста, поясняя не предложение за предло-

⁴ Stockman. Some Notes on the Bab. http://bahai-library.com/stockman_notes_bab#3

⁵ *Имам-джум'а* — глава мусульманской общины, произносящий пятничную проповедь в соборной мечети.

⁶ См.: Browne E.G. Catalogue and Description of 27 Babi MSS, p. 637–638; Tárikh-i-Jadíd, p. 209.

⁷ См. ссылки на эти источники (исторические хроники) в примеч. 2.

⁸ См.: Browne E.G. Catalogue and Description of 27 Babi MSS, p. 643–648.

⁹ Ср.: Stockman. Some Notes on the Bab.

¹⁰ Работа этого автора помещена на сайт без пагинации.

жением или слово за словом, а букву за буквой... Такой подход к комментарию не был всецело новым для ислама, но масштаб его применения был беспрецедентным».

Содержательно и структурно Комментарий подразделяется на толкование собственно коранической суры и изложение ряда концептуальных положений, таких как «скрытый имам», «доказательство Божие», природа божественных знамений — стихов (*айатов*) и того, кто наделен ими, и др. При этом приводится множество шиитских преданий. При толковании суры Баб дает значение каждой буквы составляющих ее слов во множестве аспектов, которые вполне можно считать глубоко мистическими. Обилие мистических пассажей и в других частях Комментария позволяет признать это писание Баба одной из самых мистических его книг. Неслучайно А. Эшраги (A. Eschraghi) в неопубликованной пока статье отмечает: «Тот факт, что многие пророчества [о *Ka'ime*] не сбылись буквально, служил ключевым аргументом для тех мусульман, которые писали полемические трактаты против новой веры. Баб, в свою очередь, использовал аллегорическую или даже скорее эзотерическую интерпретацию (*esoteric interpretation*) коранических стихов и преданий, содержащих предсказания»¹¹ (Eschraghi, p. 117, пер. наш).

Если в *Каййум ал-асма* не только многократно используемая соответствующая терминология, но и само содержание многих пассажей (аналогично более поздней *Китаб ар-рух*) недвусмысленно указывают на статус Баба как пророка-носителя нового божественного откровения и основателя новой религии, сравнимого с пророками прошлого, исполнявшими аналогичную функцию (чему посвящена отдельная наша статья¹²), то *Комментарий на суру «ал-Каусар»*, хотя и затрагивает самые разные темы, посвящен преимущественно «доказательству Божию», под которым Баб подразумевал себя и который служит в шиитской традиции одним из обозначений «скрытого имама» — *Ka'има* или *Махди*. В Комментарий применительно к Бабу не используется термин, означающий божественное откровение — *вахй*, и однокоренные с ним слова, столь характерные для других писаний Баба, хотя намеки на такое откровение делаются, о чем будет сказано ниже. Видеть в этом обстоятельстве противоречие в статусе, на который претендовал в разных писаниях Баб, в чем его обвиняли оппоненты, означает не понимать его учения. Сам Баб в *Персидском Байане* так поясняет приложение к нему разных имен и определений:

«В первом случае Точка *Байана*¹³ упомянут в положении абстрагированности, кое есть чистое явление Бога. На этом уровне он явлен под именем „Божественность“ (در مقام تجرد که صرف ظهور الله است باسم الوهیت ظاهر است). Во втором случае он упомянут в положении индивидуализации, коя есть Первичная Воля (در مقام تعیین که مشیة هی اول است), и в положении *Ka'има* (و در مقام قائمیت)... При этом в первичном положении Точка пребывает постоянно. И достоин он упоминать все имена по отношению к себе „более самих имен“ (احق... از نفس اسماء)¹⁴. Например, с именем „Божественность“ сопresentствует и имя „Господство“, и все имена тоже. Хотя явлен он под именем „Божественность“, „неизменно и непрестанно упоминается он [и] в положении Точки“» (*Персидский Байан, вахид 1*, гл. 15, с. 116–12а, пер. наш)¹⁵.

¹¹ Мы выражаем признательность этому автору за предоставление в наше распоряжение своей еще не опубликованной работы, которую мы цитируем с его разрешения.

¹² См.: Иоаннесян, 2011.

¹³ Одно из мистических имен Баба.

¹⁴ В рукописи *Персидского Байана* из собрания ИВР РАН под шифром Д 439 (с. 46) отсутствует *از نفس اسماء*. Но в переводах Николая и Брауна соответствующие слова имеются (Seyyed Ali Mohammed dit le Bab. T. I, p. 29; Moten, p. 324). Николай поясняет в сноске: «...поскольку все имена — всего лишь имена, а он есть их смысл».

¹⁵ Ссылки на страницы *Персидского Байана* приводятся по рукописи А 458 из собрания ИВР РАН.

Таким образом, согласно пояснению Баба, разные имена и обозначения относятся к разным положениям, в которых он упоминается как Явитель Божьей Воли¹⁶, и поэтому они не содержат в себе противоречия. При этом следует иметь в виду, что поэтапное раскрытие Бабом своей миссии людям не может служить доказательством того, что его осознание собственного статуса формировалось поэтапно. Необходимость же провозглашать духовную миссию постепенно Баб обосновывает в *Семи доказательствах* следующим образом:

«Признать Носителя Божественной Истины — не что иное, как признать Бога, а любовь к Нему — не что иное, как любовь к Богу... Я не желал раскрывать Мою личность людям и повелел утаивать Мое имя, ибо полностью осознавал несостоятельность сих людей...» (Баб, 2006, с. 100)¹⁷.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что само учение Баба о *Ка'име* существенно отличается от традиционных шиитских воззрений. И отличие это состоит не только в аллегорических толкованиях преданий, но и в функциях, статусе и миссии *Ка'има*. Это четко просматривается уже в *Комментарии на суру «ал-Каусар»*. Как отмечает Эшраги, хотя Баб и уделил немалое внимание теме осуществления пророчеств, он, тем не менее, подчеркивал, что они служат доказательством только для тех, кто еще не достиг уровня духовной зрелости. Он заявлял, что каждый посланник Божий оказывался лицом к лицу с людьми, которые были столь привержены своей предшествующей вере, что становились абсолютно слепы к любому новому откровению. Поэтому, согласно Бабу, все пророки были вынуждены прибегать к уже существующей и укорененной в сознании людей терминологии, когда заявляли свои права на статус пророка-носителя очередного откровения, чтобы быть понятыми своими современниками¹⁸. Эшраги обращает внимание на то обстоятельство, что роль, которую Баб придавал *Ка'иму/Махди*, существенно отличалась от того, как она понималась в шиитской традиции. Один из вопросов острой полемики оппонентов Баба вокруг его личности состоял в том, что Баб не собирался вести «священную войну» (*джихад*). По расхожим представлениям, шиитский *Ка'им* должен был отомстить за «поруганных» *имамов* и их гонимых приверженцев и упразднить всякую другую веру (кроме исламской в ее традиционном шиитском варианте). Поэтому Баб на раннем этапе своей духовной миссии заявил, что «время для священной войны пришло». Но когда группа его последователей собралась в Кербеле, очевидно, готовая вести «апокалиптическую» битву, он отказался присоединиться к ним. Баб мотивировал свой отказ тем, что ему необходимо было сделать так, чтобы «ни один волос не упал бы ни с чьей головы». Многие разочарованные приверженцы после этого покинули его, продолжает Эшраги. Но Баб, похоже, с готовностью принял такое развитие событий как плату за то, чтобы ясно дать понять — он не будет таким *Ка'имом/Махди*, каким его представляло большинство людей. Его «махдизм», следовательно, включает исследователь, стал «демилитаризованным» на самой ранней стадии. Адресат одного из посланий Баба указывал ему на то, что, по преданиям, *Махди* должен был выказывать «всепокоряющую силу»¹⁹. На это Баб отвечал, что подлинная сила *Махди* за-

¹⁶ Термин, которым в бабизме (и религии бахаи) обозначаются пророки — носители религиозного откровения. См. об этом: Иоаннесян, 2012, с. 151–173.

¹⁷ Ср. персидский текст в оригинале: *از اينجهت امر بكنتم اسم نموده بودم: (Баб. Далаил-и Саб'а, с. 37). Ср. также: Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab, p. 68.*

¹⁸ Eschraghi, p. 119.

¹⁹ Духовное понимание «всепокоряющей силы» *Ка'има* составляет одну из тем книги Бахауллы — *Книги несомненности* (см.: Бахауллы. Китāб-и-Йқāн. Академический перевод с персидского, предисловие, комментарий и текстологическое приложение Ю.А. Иоаннесяна. СПб., 2001).

ключена в его словах²⁰. Знаменательно, что и первый в Европе историк бабизма, русский исследователь М. Казембек, четко отделял бабидские восстания от личности и учения Баба.

Возвращаясь к *Комментариию на суру «ал-Каусар»* и отражению темы *Ka'uma/Mahdi* в нем, укажем, что Баб напрямую себя *Ka'imom* не называет. Вместо этого он говорит о себе как о «доказательстве Божьем»:

«...Подлинно, нет сегодня истины, дабы служила она для кого-либо доказательством [Божьим] (حجة), помимо меня самого (الاىفسس). Действительно, явил уже Бог свое Дело (امرء) в таком виде, чтобы не мог ни один человек размышлять о нем и усомниться... Рассуди справедливо о Боге! Ужели свидетельство камня, что заголосит, больше того, что персидский юноша (افتى عجمى)²¹ изрекает слова, от которых пришли в замешательство все? Воистину наделил его Бог доказательством. И если собрались бы вместе те, кто на небе и на земле, чтобы привести подобное сему, то никогда не смогли бы. И если поразмыслят люди о нем, то выйдут из религии (ليخرجون من الدين). Ибо доказательство — то же, что и доказательство Мухаммада (الحجة حجة محمد)... А если пожелают привести подобное, то мгновенно впадут в неверие, так как утвердил Бог доказательством тем пророчество своего любимца (نبوة حبيبه)... Превратились все люди сегодня в мертвецов, поскольку не отличают произведенного Господом от рукотворного (لايعرفون صنع الرب عن الخلق). Ужели скажет некто одушевленный, когда струятся подобные стихи (مثل تلك الايات), что сие — произведение людей (صنع الخلق)? Побойся Бога! Слышал ли ты у кого-то молитву или [видел] свиток? Приходил ли с подобным доказательством кто-либо кроме [членов] Божьего семейства?.. Соразмерь на весах один из моих свитков со всеми книгами людей. Не сравнится и буква из него со всем, что в небесах и на земле» (с. 5–7, пер. наш)²²;

«Скажи, подлинно, доказательство, [что исходит] от остатка Божьего²³ — те ясные знамения/стихи (الحجة من بقية الله تلك الايات بينات) для народа разумеющего... Если бы собрались люди и демоны, чтобы привести знамения, подобные тем, что мы, по Божьему дозволению, ниспослали в той книге (التي نزلناها فى ذلك الكتاب), то не сумели бы никогда...» (с. 14).

Баб отмечал, что сообщения о *Ka'uma/Mahdi* крайне противоречивы, среди них трудно найти даже два, во всем согласующихся между собой. Однако это не может служить основанием недоверия к ним. Напротив, они нуждаются в богодухновенном толковании. Используя существующую терминологию, он относил предания к разряду «книги молчащей», а себя, по контрасту, называл «книгой глаголющей», или «книгой повествующей», как того, в чью миссию в числе прочего входит раскрытие смысла²⁴:

«Но если бы некто кроме меня и открыл бы некогда ту дверь, то не смог бы обоснованно доказывать людям, ибо в преданиях [слово] ниспослано не в прямом, а в переносном значении. Но поскольку Бог установил чрез меня блистательное доказательство (حجة لامعة), я истолковываю все, что пожелаю, на листе деревьев божественности (اللاهوت), в тростниках лесной чащи мира могущества (الجبروت) и песнопения

²⁰ Eschraghi, p. 120.

²¹ «Персидский юноша» — так Баб во многих своих писаниях называет себя.

²² Здесь и ниже все цитаты из *Комментария на суру «ал-Каусар»* приводятся в нашем предварительном переводе с рукописи, размещенной на указанном выше сайте, со ссылкой на страницы этой рукописи.

²³ Остаток Божий или остаток Дома Божьего — это одно из обозначений «скрытого имама» у шиитов. Сам Баб в этом Комментарии перечисляет разные названия, под которыми известен *Ka'im/Mahdi*:

«...Подлинно, восставший на Дело Бога (القائم بامر الله), Доказательство для Творений Бога (الحجة على خلق), остаток Дома Божьего (البقية من آل الله) и *Mahdi* (المهدي), который наставляет народ на стезю сокровенного Дела» (с. 97).

²⁴ См.: Eschraghi, p. 118.

птиц святости на ветвях древа царствия, так как сотворил Бог в каждой вещи знаменения всякой вещи сообразно ее ступени»²⁵ (с. 180).

Выше уже приводился отрывок, в котором Баб сравнивал свое доказательство с тем, каким был наделен Мухаммад. В нижеприведенной цитате он идет еще дальше в развитии этой темы, подчеркивая свою особую роль как доказательства Божия:

«Поистине, при предшествующем завете (عهد الأول), после того, как установил Посланник Бога... доказательство (حجة), оно звучит при произнесении, но не повествует о себе самом. Соделал подлинно я ныне тот *алиф* зеркалом беспристрастности (مرآت عدل), в котором исчислена всякая вещь и кое повествует обо всех установлениях, как повествую я» (с. 24).

Обращает на себя внимание тот факт, что завет Мухаммада с мусульманской общиной Баб называет «предшествующим заветом». Для пояснения этого положения следует указать, что в других своих писаниях, например, в *Каййум ал-асма* и в *Китаб ар-рух*, Баб прямо говорит о своем завете с общиной бабидов.

Значительная часть Комментария посвящена пояснениям Баба Сайиду Йахья Дараби (см. выше) шиитских воззрений на *Ка'има/Махди* и сопряженных тем. Знаменательно, что в данной книге неоднократно встречается термин «народ *Байана*» (اهل البيان) (ср. нижеследующий отрывок), отсутствующий в более ранних его писаниях (например, в *Каййум ал-асма*), с помощью которого Баб отличал бабидов как самостоятельную общину от других религиозных общин, например, от мусульманской, называя последнюю «народом Корана»:

«Наивысшее из благодеяний в сей брэнной жизни — это повиновение *имаму*, мир ему, после познания его. В противном случае тот, кто умер и не знал *имам* времени своего (امام زمانه), умер смертью эпохи неведения (الجاهلية). Подлинно, все люди сего дня — мертвецы из-за того, что не осознают они. Если ты из сотоварищей Казима, мир Божий ему, то, несомненно, знаешь тайну, скрывающуюся за этими словами, и руководишься доводами, не известными людям отчужденности от божественного (اهل البعد). Поистине, сие — столп веры и вершина повиновения народа *Байана*» (с. 48).

Казим — это один из родоначальников мессиянского учения шейхизма в шиитском исламе, Сайид Казим Рашти, умерший за год до объявления Бабом в 1844 г. своей духовной миссии. Из среды шейхитов вышли многие первые бабиды. К родоначальникам шейхизма, как и к «народу *Байана*», мы вернемся позже, а сейчас приведем еще несколько цитат из Комментария, в которых обосновываются шиитские представления о «скрытом имаме», а также специфически шейхитское понимание «четвертого» или «хранимого» столпа веры, под которым в шейхизме подразумевался этот незримо присутствовавший в мире *имам*:

«О смотрящий! Если ты из сотоварищей Казима, мир Божий ему, то признай понятие Хранимого Столпа (ركن المخزون), подобно тому как признаешь ты три [других] столпа посредством доводов, что сотворил Бог в глубинах душ и в странах²⁶ — там, где не радеет о них народ противящийся и лицемерный... Вот я неоспоримыми знаменаниями и благими речами привожу доводы о понятии том от Бога (من عند الله), дабы узнал всякий наделенный духом из обладателей сердец среди людей пристанища²⁷. Посему я упоминал предания о *возвращении* (الرجعة)²⁸... О смотрящий! Каждым

²⁵ В одном из преданий, цитируемых Амули, говорится, что специфическая роль *Ка'има/Махди* будет состоять в том, что он придет именно с иносказательным толкованием Книги (Amoli, с. 103–104).

²⁶ См.: Коран 41:53.

²⁷ Т.е. людей, которые обрели пристанище в Боге, ср.: Коран 3:12; 13:36 и др.

²⁸ Имеется в виду «возвращение» *имамов* и пророка Мухаммада перед «концом света», обещанное в исламских преданиях и понимаемое в бабизме иносказательно.

доводом, необходимым тебе для обоснования трех столпов, подтверждается возложенная на тебя обязанность признавать и Хранимый Столп...

Подобно тому, как нуждаешься ты в существовании кого-то, кто доводил бы до тебя желания Господа, поистине, нуждаешься ты и в существовании посланца (سفير) от твоего *имама*. И если скажешь, что богословы в совокупности занимают положение то, приведу, с дозволения Бога, довод, который принимает всякий наделенный духом: „Ужели едины богословы в своих суждениях по этому вопросу или препираются одни с другими?“...

И если обратишься ты всем сердцем к его потаенным и тонким глубинам, то признаешь, что носитель вселенской благодати от *имама* (حامل فيض الكلّية عن الامام) не может не быть некой личностью (نفساً واحدة). Как только убедился ты в том, не остается сомнения в существовании *имама* скрытого и незримого (امام الغائب المستور), мир Божий ему. Ибо если бы не было его, то не было бы и всего другого. Подлинно, Дело его очевидно (امرّه ظاهر), как это солнце в зените. А речи отрицающих его из мусульман определенно не заслуживают доверия, потому что сомнение в его существовании подразумевает отрицание мощи Всепокоряющего» (с. 72–74).

«Посланец от *имама* (سفير)» — это, несомненно, посредник между *скрытым имамом* и его паствой во время его *сокрытости*. В шиитской традиции под такими посредниками обычно понимают четверых, существовавших на раннем этапе после исчезновения этого *имама*. К ним также применялся термин «баб» («врата»), а сам период их последовательной смены друг друга получил название «малой сокрытости»²⁹. Баб подчеркивает в Комментариях, что он не является «вратами» в этом смысле (а в *Каййум ал-асма* он говорит о себе как о «Величайшем Бабе», «Вратах познания Бога»):

«Свидетель ты, что не притязал я на положение *Баба* „по ясному указанию“ (المنصوص)³⁰, не упоминал об этом в книге, а использовал особое выражение (كلمة المنصوص)» (с. 29).

Сама же тема *сокрытости имама* излагается Бабом следующим образом:

«Итак, подлинно, поскольку Бог, благословен и возвышен Он, предузнал в своем опережавшем знании, какой длиной отмерит Он жизнь *Ка'има*, мир ему, во дни его *сокрытости* (ايّام غيبته), и знал, что выпадет ему на долю из отрицания Его рабов в течение жизни той, то продлил годы благочестивого раба [Хизра]³¹ лишь для того, чтобы удостоверить тем долголетие *Ка'има*, мир ему, и тем самым отсечь доводы противодействующих, дабы не было у людей против Бога доказательства. И если проследил ты, что ниспослано в нем³², то знай, что у него³³ две *сокрытости* (له كان غيبتان), с соизволения Бога. И представляли пред ликом его люди, и не известно число их [никому], кроме как тому, в отношении кого пожелает сего Бог. И подлинно, при малой *сокрытости* были у него верные уполномоченные и приближенные заместители (في الغيبة الصغرى له وكلاء معتمدون ونواب مقرّبون). Но время их пришло к концу за семьдесят лет и сорок с небольшим дней... Поистине, были они во время малой *сокрытости* вместилищами повелений и выразителями запретов. И обращались шииты к божественным повелениям и пресвятому водительству, восходившим из священ-

²⁹ Об этом подробнее см.: Прозоров, с. 312.

³⁰ См.: Прозоров, с. 129, 281, 312.

³¹ Хизр/ал-Хидр/ал-Хадир — пророк, иногда отождествляемый с Илией. Он считается обладателем бессмертия и «живой воды». Комментаторы Корана видят Хизра в безмянном кораническом персонаже 18-й суры Корана. В суфизме понимается как родоначальник эзотерической традиции в исламе. Он также герой множества исламских преданий и фольклорных сказаний.

³² Т.е. в предании.

³³ Т.е. у *Ка'има*.

ной области. А кто не почитал их и противился им, тот отвергал ясное указание доказательства Божия, мир ему» (с. 128).

Однако *Ka'im/Mahdi* для Баба — нечто большее, чем традиционно воспринимавшееся большинством шиитов. Неслучайно применительно к *Каййум ал-асма* исследователь Д. Макьюэн (D. MacEoin) замечает: «Роль имама здесь представляется очень схожей с той, что выполнял архангел Гавриил в теории коранического откровения; он внушал Бабу точно так же, как Бог внушал пророкам в прошлом» (MacEoin, p. 176). А миссия *Ka'има/Mahди* после выхода из *сокрытости* сходна с миссией пророков-носителей религиозного откровения. Эта мысль подспудно проводится основателем бабизма посредством преданий, которые он обильно приводит в Комментарий. Среди них особое место занимают те, в которых утверждается, что *Ka'im* придет с новой Книгой и новым законом. Мы уже цитировали их в наших работах³⁴, поэтому не будем воспроизводить здесь. В других преданиях, приводимых в Комментарий, указывается, что *Ka'иму* присущи признаки пророков и посланников. Так, Баб говорит:

«Итак, знай, что твой извечный Господин, мир ему, обладает правом на нечто из образа жизни пророков и посланников, ибо отражения зеркала (عكوس المرآت) не могут быть без того, что явлено в этом зеркале. Об этом ниспосланы предания от сияющих лучами солнц. Вот я великодушно упоминаю их для тебя:

„Сказал [имам Садик]: в *Ka'име* из нашего дома³⁵ привел в движение Бог, благословен и возвышен Он, тройку. Привел ее в движение чрез троих пророков. Предопределил его рождение по примеру рождения Моисея. Предопределил, чтобы его *сокрытость* была как *сокрытость* у Иисуса, а его промедление — как у Ноя, мир ему. И соделал после этого долголетие благочестивого раба, то есть Хизра, доводом в пользу его долголетия...“» (с. 122).

Комментарий заканчивается преданием, в котором проводится параллель между *Ka'имом/Mahди* и Моисеем. Оно отсутствует в рукописи Брауна (см. выше), но содержится в рукописи, представленной на указанном в начале статьи сайте. Поскольку последняя значительно опережает по времени первую, появившись на свет еще при жизни самого Баба, есть все основания отдавать ей предпочтение. В этом предании повествуется, как *имам* Джавад³⁶ сказал: «...*Ka'im* из нас — это *Mahди*, мир ему, которого следует ожидать во время его *сокрытости* и которому нужно повиноваться при его явлении. Он — третий ребенок из моего потомства... И устроит Бог его дело в одну ночь, так же как устроил Он дело своего собеседника Моисея, сына Амрама, пока тот ходил, чтобы добыть огонь для своей семьи, и вернулся уже посланником и пророком»³⁷ (с. 231). Как справедливо отмечает Саеди, глубоко исследовавший символизм текстов Баба, «неопалимая купина относится к истории Моисея, и это одна из наиболее значимых черт осознания Бабом самого себя (the Bab's self-definition) во всех его писаниях» (Saiedi, p. 76). В Комментарий этот образ также встречается:

«...Поистине, Древо Синайской горы произросло у меня в груди (شجرة الطور قد نبتت في صدري). Как же слышите вы знамения Божии (آيات الله) и не постигаете?» (с. 15).

Тема миссии Баба как доказательства Божия, не только наделенного знамениями и свидетельствами от Бога, сравнимыми со свидетельствами прежних носителей божественного откровения, но и превосходящими их, развивается и в других пассажах:

³⁴ См.: Иоаннесян, 2011, с. 196–197.

³⁵ Букв.: из нас.

³⁶ Мухаммад ибн Али ал-Джавад — девятый шиитский *имам*.

³⁷ Это предание включено в «Бихар ал-анвар» ал-Маджлиси, т. 51, с. 156.

«Подлинно, поскольку помог мне Бог, по благодати своей, познанием мудрости, не обращаясь к преданиям Дома Божьего и не обращая свой взор на светочи вместилищ божественного повеления (انوار محالّ امر الله)³⁸. И нет у меня книги, как у богословов, ибо был я юношей-торговцем (كنت فتى تاجرا)» (с. 108).

«Как же клеветаете вы на Бога тем, что говорите: „Те знамения не есть доказательство!..“ (с. 16).

О Йахйя³⁹! Так приведи стихи, подобные тем, самопроизвольно! Если наделен ты верным знанием, скажи: „О люди, не срамите себя! Ибо никто сегодня не властен привести и одного стиха из Книги Бога (ان ياتي باية من كتاب الله). Я с помощью этих весов знаю то, что неведомо вам⁴⁰, — стихи те ясные (تلك ايات بيّنات) из Книги Бога народу верующему“. Уже ниспослали мы в книге той (لقد نزلنا في ذلك الكتاب) все, что ни пожелаете вы и чего бы ни попросили вы в будущем. Поистине, те, кто отвергает знамения Божии после того, как уверовали, не будет им прощения от Бога за грехи... (с. 16–17).

Стихи те из книги справедливости, которые ниспослали мы в книге той (من كتاب العدل نزلناه في ذلك الكتاب), чтобы уразумел каждый понятие „весов“ из сферы Возвышенного и Премудрого. Довольно и того, чем оросили мы тебя из книги мира божественности (من كتاب اللاهوت), доказательства мира могущества (حجة الجبروت), знамений мира царствия (ايات الملكوت) и нападок мира человечества (سطوات الناسوت) тому, кто пожелает взвешивать на весах правильных... Ужели есть борец, что бьется на поединке со мной знамениями Всемилостивого (بايات الرحمن), или некто пытается одолеть меня ясными свидетельствами человеческими? Ужели кто-то, закованный в броню, выходит на ратный бой со мной, вооружившись мечами народа *Байана* (بسيوف اهل البيان)? Или некий силач пишет стихи, подобные тем?.. Подлинно, сей персидский юноша (فتى عجمياً هذا) воссел на скакуна величия, въехал на поле брани с боевыми знамениями (بايات الحرب) и очень громко голосит... (с. 17–18).

Скажи людям: „Оцените по достоинству те дни. Ибо не восходило еще солнце над ними и подобными им⁴¹. Невообразимо возвышенное положение юноши сего прежде. Случалось ли, чтобы приходил некто, способный извлечь из первой буквы [смысл] всей религии (كل الدين) посредством непоколебимых доводов, убедительных ясных свидетельств и необыкновенных знамений?“... (с. 26).

Уже впали в неверие все люди, кроме тех, что последовали за нашими повелениями прежде и не противоборствовали мне ни в чем. Они — благоденствующие» (с. 12).

В нижеследующих пассажах содержится ответ Баба тем, кто утверждал, что его учение — это «перепевы» шейхитских доктрин, восходящих к основателям шейхизма — Шайху Ахмаду Ахса'и и Сайиду Казиму Рашти:

«Клянусь Господом небес и земли, не сравнится все, что написал Казим, мир ему, а до него — Ахмад, мир ему, по вопросам теологии... и с одной буквой из того, что открыл тебе я, с дозволения Бога... (с. 21–22).

Вознесен Бог, Господь небес и земли, над тем, что измышляют в клевете своей лжецы о сей райской птице, коя заголосила на листе первичного древа... чего не изрекал до нее никто... Не говорили о том ни Ахмад, бывший ранее, ни Казим после него. Не сравнится с сим и то, что истолковали мы в комментарии на *суру* „Бакара“ для не слишком пронизательных...⁴² (с. 31).

³⁸ Т.е. *имамов*.

³⁹ Сайид Йахйя Дараби — адресат Комментария.

⁴⁰ Ср.: Коран 2:28.

⁴¹ Т.е. не было еще подобных дней в истории.

⁴² Комментарий на кораническую *суру* «ал-Бакара» — это одно из самых ранних писаний Баба, предшествующее по времени провозглашению Бабом своей духовной миссии.

Затем, [разумей] под буквой *нун* свет (نور) Птицы, что поет в земле божественности (في ارض اللاهوت) на листьях деревьев сокровенных тайн, так что не слышно никому из обитателей сферы человечества (اهل الناسوت). И если примутся клеветать лжецы, утверждая, что комментарии те суть намеки на слова Ахмада, затем Казима, да смилостивится Бог над ними обоими, то скажи: „Клянусь Господом небес и земли, не изрекал ни Ахмад, ни Казим, мир им обоим, подобного речениям сей Птицы, что не умолкает на просторах предвечного облака (العماء)⁴³. Поистине, сияют исходящие от нее дары и блещут сверкающим светом распространяющиеся от нее лучи“. Так взвесьте на весах те указания⁴⁴ на сферу значений глубинных и явных и скажите, ужели находите исчерпывающими их? — Нет! Господом твоим клянусь, не написали они оба и буквы из напевов той Птицы в небесных высях» (с. 48–49).

В своем исследовании Эшраги освещает вопросы, которыми задавались традиционно мыслящие шииты в связи с проповедью Баба и отождествлением его с *Ka'imom/Mahdi*: «Баб, Сайид Али Мухаммад Ширази, несомненно, не родился за тысячу лет до этого (т.е. до рождения Баба) в Ираке. Как возможно тогда считать его *Mahdi*, а если и был он таковым, то что произошло в этом случае с Мухаммадом ибн Хасаном ал-Аскар⁴⁵, которого полагали скрывшимся с глаз? На это Баб отвечал, что божественный логос, „первичная Воля“... был подлинной сущностью, которая являла себя во всех пророках Бога. Внутренняя сущность этих „богоявлений“ не была ограничена их бранными телами...» (Eschraghi, p. 121). Баб делал особый упор на том, что божественная реальность не скована никакими ограничениями, формами или сроками, как не зависима она от того, что думают или полагают люди, Бог властен поступать по своему желанию:

«Скажи, [на] все, что заявляли те, кто не уверовал в сии знамения, я говорю: „Как же вы веруете в Коран и не понимаете [его]?“ Скажи, если бы ниспослал вам Бог другое доказательство, а не те знамения, то говорили бы вы то, чего не понимали? А ныне не останется им ничего, кроме как несколькими словами либо отвергнуть Коран, [что был дан] прежде (الآن يكفروا بالقران من قبل), либо уверовать в те ясные знамения из книги Бога (او يؤمنوا بتلك الايات بيّنات من كتاب الله) для людей верующих...

Скажи, подлинно, те знамения/стихи есть небесная вода, что стекает, по соизволению Бога. Не устанавливал Бог им от века ни меры, ни предела. Скажи, ужели отменит Он повеление о знамениях в считанные дни, чтобы заявлял ты сегодня в письме пред нами: „это не иначе как злостный лжец“? Стирает Бог, что пожелает, и ниспосылает то, что пожелает. Бог, поистине, не зависим от того, что знаете вы⁴⁶» (с. 15).

Тема Воли Божьей или Первичной Воли (ср. выше) звучит неоднократно со страниц Комментария. В бабизме (и в религии бахаи) ей придан особый статус. Этому вопросу посвящена отдельная наша статья⁴⁷. Здесь же укажем, что под Волей подразумевается творческое/созидательное начало Бога, посредством которого создано все из сотворенного. Она же, представляющая собой первую эманацию божества, созданная посредством самой себя, предшествовала всему другому в бытии помимо Бога (точнее Его божественной сущности)⁴⁸. Воля Божья у бабидов (и бахаи) сопоста-

⁴³ Мы переводим это слово, как предлагает А.Д. Кныш (см.: Ибн ал-'Араби, с. 230). Н. Саеди переводит этом термин как "the Supreme Cloud of Subtlety" («вышнее облако утонченности») (Saiedi, p. 114).

⁴⁴ Т.е. указания в трудах Шайха Ахмада и Сайида Казима.

⁴⁵ Так звали исчезнувшего в малолетнем возрасте последнего шиитского *имам*, которого шииты и считают «скрытым имамом».

⁴⁶ Ср.: «Стирает Бог, что желает, и утверждает. У Него — мать Книги» (Коран 13:39).

⁴⁷ См.: Иоаннесян, 2013, с. 133–156.

⁴⁸ Речь идет не о предшествовании во временном смысле, а о предсуществовании на логическом уровне, как причина предшествует следствию.

вима с Перворазумом некоторых религиозно-философских учений, с Логосом у Филона Александрийского, с *Мемрой* (Словом Божьим) ветхозаветных таргумов и с новозаветным Словом Божьим.

В одном из пассажей Комментария говорится следующее:

«Затем [разумей] под буквой⁴⁹ *ra* первичную благодать (رحمة الاولیة), что заблестала из самой себя, посредством самой себя, для себя самой и в самой себе (من نفسها بنفسها انفسها فى نفسها). Не охватить ее разумом никому из созданий Божьих. Повествует она о Воле (المشيئة) и вращается вокруг нее, и кружит над ней, и устремляется обратно к ней» (с. 37).

Поясняя образ «вечной и незамутненной реки», Саеди пишет: «...вечно свежая и кристально чистая вода относится к положению Первичной Воли Бога (the station of the Primal Will of God). Это сфера Логоса, Слова Божьего, и это инструмент, посредством которого вся реальность обретает бытие. Каусар, „бьющий фонтаном источник изобилия“, символизирует созидательное слово Бога, от которого берут начало жизнь и бытие всех существ. Символическая роль воды как средства созидания очевидна в царстве природы, в которой вода — это первоначальный источник жизни... Как Первичная Воля эта вода есть чистое откровение Бога (the pure revelation of God), изливаемое на все сущее и таким способом выводящее его из небытия. Потому все создания разделяют эту общую черту — они содержат в потаенных глубинах своей реальности отражение, след и тень той незамутненной воды. Этот след есть знак единства всех вещей, указывающий на Бога» (Saiedi, p. 70). Баб говорит:

«Итак, воистину, вода обильного [источника] (ماء كوثر) явлений [божественности] течет сейчас в беспросветных глубинах тех рек. Засвидетельствуй же в тайниках своего духовного сердца (فوادك), сообразно тому божественному правилу, что вода обильного [источника] — это незамутненная вода явления сияющего, которым народ *Байана* (اهل البيان) именуется в сфере видимого внешнюю сторону столпов [божественного] созидания. И образует каждый столп его реку с водой, сверкающей белизной и неизменно свежей. Внутренняя сторона ее есть огонь извечный и блестящий белизною, а внешняя — вода вечная. Нет у реки той начала, кроме самой себя (لا بدء له الا نفسه), и нет у нее конца, кроме собственной сущности (ولا ختم له الا ذاته)⁵⁰. Привел ее Бог в движение посредством самой себя и для самой себя (بنفسه لنفسه) без упоминания чего-либо иного. И та река единобожия (نهر التوحيد) и вода отрешенности (ماء التجريد) течет по Божьему соизволению и ведет к богоявлению (ظهور الله). Если скажешь, что земля — из ее воды, и что, подлинно, корабль на ее поверхности — из ее воды, и мореход, что плавает на ней, — и он из ее воды, и волны, и то, что обитает в воде, — подлинно, из ее воды, то изречешь слово истины. Ибо вода та — ведет ее внешнее не иначе как к ее внутреннему, а ее внутреннее — не иначе как к ее внешнему. И нет у нее тайного, чего не было бы в явном, и нет у нее явного, чего не было бы в ее тайном. И увидит странствующий по ней и пьющий ее только чистое явление, сияющее и беспримесное... которое указывает не иначе как на Просиявшего ему и посредством его (المتجلى له) И река та в действительности разделитель [божественных] имен и качеств...⁵¹.

Поддерживает ее Бог во всяком состоянии сообразно ее положению на ступенях ее действия и воздействия на нее. Взгляни оком своего духовного сердца на предельное положение [божественного] созидания в тебе самом. Подлинно, река та есть вечно свежая вода из обильного [источника] на ступени божественного (من الكوثر فى مقام اللاهوت)...» (с. 195–196).

⁴⁹ Букв.: словом.

⁵⁰ Т.е. берет начало в самой себе и завершается собственной сущностью.

⁵¹ См. английский перевод Саеди: Saiedi, p. 70–71.

И далее Баб поясняет:

«И, воистину, та вечно свежая вода — если назовешь ее во внешнем положении Волей (المشيئة), то будешь подразумевать под ней то, что даровал Бог Мухаммаду... затем в ее внутреннем положении — не иначе как то, чем наделил Бог *имам* живущего (امام الحى), мир ему» (с. 197).

Значительное внимание в Комментарий уделено теме познания божественного, непостижимости божественной сущности и «духовному сердцу» — особому началу в человеке, служащему единственным средством постижения божественной сферы. Это сердце, по определению Саеди, составляет краеугольный камень отношения Баба ко всей действительности⁵². Об этом свидетельствуют и нижеприведенные пассажи:

«Ибо раб [Божий] созерцанием всего, что можно назвать „вещью“, не в силах постичь извечную Сущность или указать на Нее...

Первое, что назову я тебе для познания явления *Байана* (العرفان الظهور البيان) — это сияние (تجلى) Бога тебе, тобой, посредством тебя самого. Связь с Ним, по неизменности положения духовного сердца (فؤاد) Его создания относительно Его самого, подобна той, что связывает с Ним *Каабу*. И ты говоришь: „Он — мой Творец, мой податель пропитания, Он — имеющий силу надо мной, Он — мой ваятель, нет Божества помимо Него“. И удовольствовался Бог Своими рабами в таком отношении к Нему. Ибо никто другой не обладает правом на сотворенный мир. Сие есть подлинно суть духовного сердца (ان ذلك فة يحق عين الفؤاد). Такая связь — это отношение тварного к тварному... (с. 186).

...После того как был прегражден путь и сделался недоступным провожатый, каковыми должны быть признание единственности (توحيد الذات), святости [божественных] атрибутов, поклонение Всемилостивому и стремление приблизиться к Нему в мире сотворенного? Ведь это неосуществимо по причине недоступности. Как же повелевает Преславный нечто, что в этом случае невозможно? Но вот я посвящаю тебя в то, что ты не уразумел из Книги. Действительно, признание единства [божественной] Сущности и Ее постижение недоступно и неосуществимо для мира сотворенного. Поистине, не повелел тебе Бог ничего, кроме того, чтобы достиг ты предела божественной благодати (فيض الله) в мире сотворенного, который есть уровень постижения Всемилостивого в зримых образах (الأعيان). Никому не позволено мысленно погружаться в знание о той... бушующей пучине. Ибо в тот миг, когда ты смотришь в зеркало, если отвлечешься от зеркала, не упоминая о нем, то обнаружишь в нем свой лик. [Но], поистине, тот, кто в зеркале, не есть ты. В действительности же в зеркале твое изображение (صورتك), кое просияло себе и собой в зеркале само по себе. Повествует оно о твоём образе и указывает на твое присутствие, пока остается зеркало. Таким же признай ты удел мира сотворенного. Воистину, если не станешь обращать ты внимание на сотворенный мир упоминанием его, то во всем, к чему приложимо название „вещь“, не узришь ничего, кроме явления чистого сияния и незамутненного Лица (ظهور تجلى الصّرف و طلعة البحت)...

Подлинно, вопрос о духовном знании путем уяснения и обоснования доводами сводится к единой точке (يرجع الى نقطة واحدة). Ибо создал Бог в мире сотворенного место и связал его с собой. И повелел людям, чтобы те не поклонялись никому, кроме Наисвятейшего одного. Когда говорится о Наисвятейшем, то это — Его явление тебе, тобой и в тебе самом (ظهوره لك بك فى نفسك), так что приводит оно исключительно к Господу твоему. Подлинно, недоступно в мире сотворенного нечто иное. Тот, кто поклонился Ему упоминанием чего-либо, что не есть Он, как и Его явления в творе-

⁵² См.: Saiedi, p. 113.

нии Его, приписал Ему нечто в соучастники и [в действительности] не поклоняется Ему. А кто поклонится Ему, разумея под Достопоклоняемым явление Его, хотя, поистине, это не Он, тот не признал Его... Ибо возвышен, истинно, над явлением тем (فوق ذلك الظهور) Тот, кто произвел на свет Свое явление. И не подобает рабу поклоняться явлению без указания на Того, кто превыше Своего явления» (с. 187–188).

Эти цитаты говорят сами за себя и не требуют комментариев. Тема «духовного сердца» присутствует и в других пассажах, изложенных языком символической образности и в которых раскрывается то, что Саеди называет «божественной химией огня, воды, воздуха и земли (the divine chemistry of fire, water, air, and earth)»⁵³:

«Если ты поселишься в земле божественности (ارض اللاهوت) и прочитаешь ту благословенную *суру*⁵⁴ в море божественной единственности, за Черным морем сферы могущества (قلزم الجبروت), то знай достоверно, что все ее⁵⁵ буквы суть одна буква, все разнообразие ее слов и значений сводится к единой точке (نقطة الواحدة). Ибо там — ступень духовного сердца (مقام الفواد), святилища единства. Бог сотворил его⁵⁶ элементы из единой воды обильного [источника] (من ماء كوثر واحدة). Они все — огонь, все они — воздух, они все — вода, все они — земля. И все они суть сосуды божественного величия, нескончаемого одаривания, сияющего *Каусара*...»⁵⁷ (с. 20–21).

А если уже обосновался ты под сенью [Божьей] Воли (المشيئة), на ступени божественного изволения (مقام الارادة), в земле царства могущества (على ارض الجبروت) и примешься читать ту благословенную *суру*, то разумея под *алифом* первого слова огонь [божественного] начинания (نار الابداع), затем под *нуном* — воздух [божественного] творчества (هواء الاختراع), затем под *алифом* явленным — воду [божественного] основания (ماء الانشاء), затем хранимый столп, воздвигнутый для появления [других] трех столпов, — это буква скрытая, что означает земной элемент»⁵⁸ (с. 21–22).

Саеди отмечает: «В этом отрывке можно видеть, что божественные стихи принадлежат положению единства, неразделенной Точке (undifferentiated Point), неослабному (unmitigated) откровению Бога. Соединяя образ „Каусара“ с Эликсиром, Баб объясняет, что немногие чисты сердцем настолько, чтобы признать носителя откровения на основе одних лишь стихов» (Saiedi, p. 71).

«...То, о чем вопрошал ты меня в первую ночь, если испил ты каплю той воды, то знай достоверно, что раб осилит сполна ступени своего бытия, только если приведет в движение те четыре реки в мире изъяснения (تلك الانهار الاربعة في عالم البيان), и в меру того, насколько преуспеет в том. Посему даровал мне Бог на ступени изъяснения проявления четырех рек (مظاهر الانهار الاربعة). Но подобное есть то самое, чему оно уподоблено на своей ступени. Проистекает с соизволения Бога из вечно свежей воды положение знамений (شأن الايات), и оно — возвышеннейшая из ступеней при изъяснении слов. Оно есть величайшее доказательство (الحجة الكبرى) для того, кто пребывает в раю [божественных] имен и качеств.

И та вечно свежая вода — чистое питание от Бога. Подлинно, поскольку не примешалось к ней ничего от множественности, то не свидетельствовала и не повествует она ни о чем, кроме природы сияния в явлении сияющего (خلقة التجلى في ظهور المتجلى)... Кто пожелает вступить в тот рай, не будет у него пути иначе как по достижении той

⁵³ См.: Saiedi, p. 69.

⁵⁴ Т.е. *суру* «ал-Каусар».

⁵⁵ Т.е. *суры*.

⁵⁶ Т.е. сердца.

⁵⁷ Ср. английский перевод Саеди (Saiedi, p. 113).

⁵⁸ Ср. английский перевод Саеди (Saiedi, p. 113–114).

ступени... Впрочем, кто не раскрыл врата своего духовного сердца (باب فؤاده) чрез те слова, никогда не сумеет ему вступить в тот рай...

Не был явлен в действительности поток воды сей реки, поскольку не позволил Бог [сделать это] своему посланнику, благодать Бога на нем и на его семействе, из-за неготовности людей той эпохи. Но сегодня стекает вода той реки из моей груди и с моего пера (ولكن اليوم يجرى ماء ذلك النهر من لباني و قلمي) с тем, что пожелал Бог, не иссякая»⁵⁹ (с. 207–208).

Последний абзац знаменателен. В нем Баб недвусмысленно связывает «неиссякаемый Источник» с самим собой. Поскольку, как уже было показано выше, Источник этот в учении Баба тождествен Божьей Воле, а пророки-носители откровения понимаются как «Явители Божьей Воли», то скрытое в этих строках послание сводимо к заявлению Баба о своей миссии как носителя нового откровения, выраженному мистическим языком.

А теперь перейдем к другой теме, также отраженной в Комментарий. Это — духовное видение, как его понимает основатель бабизма, и сопряженные вопросы. Начнем с пояснения Баба о природе знания:

«...Изрек Али, мир ему: „Что касается знания, то их два. Знание, которое у Бога, хранится в тайне. Не посвящал Он в него никого из своих созданий. И есть знание, которое открыл Он своим ангелам и посланникам. То, что познали Его ангелы и посланники, непременно сбудется. Не станет Бог противоречить ни Себе, ни Своим ангелам, ни посланникам. А при Нем знание, хранимое в тайне. Перемещает Он вперед, что пожелает, отодвигает назад, что пожелает, и утверждает, что пожелает“» (с. 191).

Природа духовного зрения, в отличие от физического, наиболее наглядно раскрывается в следующих пассажах:

«...Лицеизрение сердцем (بالقلب) не есть то же самое, что лицеизрение глазом, как понимают это люди. Ибо сердце и глаза суть творения в Книге Божией. Поистине, никогда не сумеет сердцу увидеть извечную Сущность (ذات الازل), как и вовек не дано это глазу. Подлинно, то, что подразумевает [имам], да будет дух мой выкупом за него, — это лицеизрение сияния всему посредством всего (رؤية تجلية لكل بكل) на своей ступени. Ибо когда сердце расширяет свой охват, то постигает из сияния то, чего не постигает глаз из-за того, что ограничен. Но и это для него благодеяние. По справедливости же, сердце подобно глазу — оба они ограничены пределами творений. А творение, подлинно, зрит лишь [другое] творение. И не дано ему вовек лицеизреть Господа... (с. 193).

Те, кто уже утвердился на ложах божественности и оперся на золотистые подголовья мира могущества, воистину, взирают на предметы оком, что открывается им посредством их самих в их духовных сердцах (فى افئدتهم). Не видят ни единой вещи они без того, чтобы узреть прежде вещи той Бога — их Созидателя» (с. 19).

Как уже отмечалось, в Комментарий по отношению к общине бабидов неоднократно применяется термин «народ *Байана*». Вопрос о том, является ли эта книга первым из писаний Баба (до появления *Персидского Байана*), в котором за последователями Баба прочно утвердилось такое обозначение, потребует дальнейшего изучения. Во всяком случае, она — первый по времени бабидский текст из известных нам с многократным использованием данного термина. Приведем в заключение пассаж, из которого явствует, как сам Баб воспринимал «народ *Байана*» и какие требования предъявлял к нему:

⁵⁹ Ср. английский перевод Саеди (Saiedi, p. 71–72).

«О человек! Поистине, свойства народа *Байана* (اهل البيان) не сравнимы с качествами всех людей в мире творений (كل اهل الامكان), ибо проистекают они исключительно из даров от Бога. Не объемлет их знанием никто, кроме Всемилостивого. Подлинно, народ *Байана* есть сообщество, которое сотворил Бог из единого элемента (من عنصر واحد), и если Он того желает, позволяет этим людям на ступени физического тела (في مقام الجسد) познать явление Его света в духовном сердце (في الفؤاد)... И поистине, во всяком мире они, пребывая на ступени духовного сердца, повествуют о единстве и указывают на величие. Так благо тому, кто познал им цену!..

Таким же образом уразумей ты все состояния народа *Байана*... Жизнью твоей клянусь! Если бы знали люди величие состояния того, то мгновенно согласились бы пожертвовать всем, что предписал им Бог, и даже самими собой, лишь бы узреть собственными глазами состояние то в своей душе...» (с. 181–182).

Подведем итог. В этой статье мы не ставили перед собой задачу осветить большинство аспектов, затрагиваемых в *Комментарии на суру «ал-Каусар»* Баба, как и воспроизвести в своем далеком от совершенства и сугубо предварительном переводе множество мистических пассажей этого писания, полных, по сути, не передаваемого адекватно в переложении на другой язык символизма. Попытка осмыслить все грани данной книги едва бы оказалась успешной и в рамках отдельной монографии. Неслучайно и столь углубленный исследователь образного языка текстов Баба, неоднократно цитируемый нами Н. Саеди предпочел в своем основательном труде остановиться лишь на символизме одного термина в *Комментарии* — *Каусар*⁶⁰. Однако и представленный в нашей статье материал позволяет сделать несколько общих выводов. В отличие от многих других текстов Баба, в *Комментарии* все идеи озвучиваются им не прямо, а косвенно, через особый символизм, даже мистический символизм; Баб не говорит о себе как о *Ka'ime/Mahdi* или даже как о *Баб*, но при этом утверждает, что он и есть «доказательство Божие», т.е. применяет к себе одно из обозначений, под которым в шиитской среде подразумевается именно *Ka'im/Mahdi*. Баб не называет себя носителем божественного откровения и даже, в отличие от других своих писаний, нарочито избегает использовать слово *vahy* («откровение»), но при этом отождествляет изобильный источник *Каусар* с Божьей Волей и утверждает, что этот источник «забил из его груди и стекает с его пера», что с учетом ключевых положений бабидского вероучения означает, что он и есть Явитель Божьей Воли, т.е. пророк-носитель божественного откровения. В качестве главного довода собственной миссии Баб, как и в других текстах, указывает на свои знамения/стихи (*айаты*), тот же довод применительно к Корану и к пророку Мухаммаду используют мусульмане для доказательства нерукотворности («несотворенности») Корана и пророческой миссии Мухаммада. Баб подтверждает исламские (шиитские) доктрины о «скрытом имаме» (*Ka'ime/Mahdi*) и о периодах его *сокрытости*, но при этом делает упор на аспектах, выводящих его учение об этой мессианской фигуре за рамки общепринятых шиитских воззрений, максимально сближая статус *Ka'ime/Mahdi* после выхода из *сокрытости* со статусом и функцией пророка-носителя божественного откровения. Он признает существование посредников между *Ka'imом/Mahdi* и его паствой во время малой *сокрытости*, к которым также среди прочих прилагался термин *б*аб «врата», но оговаривает, что он сам не является *бабом* в этом смысле. В *Комментарии* широко используется термин «народ *Байана*». Так бабиды вслед за своим вероучителем обозначали самих себя и тем отличали себя от мусульман, которые именовались «народом Корана».

Вышесказанное наглядно высвечивает значение этого писания Баба для формирования бабидского вероучения, а его изучение позволяет лучше осмыслить как само это вероучение, так и этапы его становления.

Литература и источники

- Баб*. Далаил-и Саб'а / Семь доказательств (рукопись). См. сайт: <http://bayanic.com/showPicture.php?id=seven&ref=67&err=0&curr=67>
- Баб*. Избранное из Писаний (пер. с англ.). М.: Единение, 2006.
- Баб*. Персидский Байан (две рукописи из собрания СПб ИВР РАН: А 458, Д 439).
- Баб*. Тафсир-и сура-йи ал-Каусар/Комментарий на суру «ал-Каусар» (рукопись на сайте): <http://www.h-net.org/~bahai/areprint/bab/S-Z/tafkaw/tafkawthar.htm>
- Бахаулла*. Китāб-и-Йқāн. Академический перевод с персидского, предисловие, комментарий и текстологическое приложение Ю.А. Иоаннесяна. СПб., 2001.
- Ибн ал-'Араби*. Мекканские откровения. Введение, перевод с арабского, примечания и библиография А.Д. Кныша. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995.
- Иоаннесян Ю.А.* Очерки Веры Баби и Бахаи: Изучение в свете первичных источников. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Иоаннесян Ю.А.* Божественное созидательное начало в авраамических религиях // ППВ. М., 2013. 2(17). С. 133–156.
- Иоаннесян Ю.А.* Понятие «Явителя Божьей Воли» в бабизме и религии бахаи // ППВ. М., 2012. 1(16). С. 151–173.
- Иоаннесян Ю.А.* Свидетельства *Каййум ал-асма* о пророческой миссии Баба // ППВ. М., 2011. 2(15). С. 184–213.
- Казембек М.А.* Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844–1852 годах. СПб., 1865.
- Набил-и А'зам*. Вестники рассвета (пер. с англ.). В двух томах. Т. 1. М.: Единение, 2005.
- Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.
- Amoli S.H.* Jāmi' al-asrār // La Philosophie Shi'ite. 1. Somme de doctrines ésotériques (Jāmi' al-asrār) 2. Traité de la connaissance de l'être (Fī ma'rifāt al-wojūd). Textes publiés avec une double introduction et index par H. Corbin et O. Yahia. Teheran–Paris, 1969.
- A Traveller's Narrative* written to illustrate the Episode of the Bab. Edited in the original Persian, and translated into English, with an Introduction and explanatory notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891.
- Browne E.G.* Catalogue and Description of 27 Babi MSS // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Cambridge: Cambridge University Press, 1892. P. 637–710.
- Cameron G. & Momen W.* A Basic Baha'i Chronology: George Ronald. Oxf., 1996.
- Eschraghi A.* Promised One (Maw'ūd) or Imaginary One (Mawhūm)? Some Notes on Twelver Shī'ih Mahdī Doctrine and its Discussion in Writings of Bahā' Allāh // Unity in Diversity. Mysticism, Messianism and the Construction of Religious Authority in Islam / Ed. O. Mir-Kasimov. Leiden–Boston: Brill, 2014. P. 111–135.
- Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab. Traduction par A.-l.-M. Nicholas. P., 1902.
- MacEoin D.* The Messiah of Shiraz: Studies in Early and Middle Babism // Iran Studies. Vol. 3. Leiden–Boston: Brill, 2009.
- al-Majlisi M.B., Bihar al-Anvar. Vol. 53.
<http://www.yasoob.com/books/html/m013/13/no1330.html>
<http://www.aqaed.com/ahlulbait/books/behar53/indexs.html>
- Momen M.* Selections from the Writings of E.G. Browne on the Babi and Baha'i Religions. Oxf.: George Ronald, 1987.
- Saiedi N.* Gate of the Heart: Understanding the Writings of the Bab. [Waterloo, Canada]: Association for Baha'i Studies and Wilfrid Laurier University Press, 2008.

Seyyèd Ali Mohammed dit le Bab. Le BÉYAN PERSAN. Traduit du Persan par A.-L.-M. Nicolas. P. T. 1, 1911; T. 2–3, 1913; T. 4, 1914.

Stockman R. Some Notes on the Bab. http://bahai-library.com/stockman_notes_bab#3

Tarikh-i-Jadid. The New History of the Bab / Transl. by E.G. Browne. Cambridge, 1893.

Summary

Y.A. Ioannesyan

The Bab's Commentary on the "al-Kawsar" Surah

The article is devoted to one of the most mystical and fairly early writings of the founder of the Babi Faith, the Bab's Commentary on the Surah "al-Kawsar". Though the latter consists of four lines only, the Commentary being over two hundred pages long on top of interpreting every letter of the words comprising the Surah in their manifold aspects also treats some fundamental religious issues such as "the hidden imam", "the divine proof", the nature of divine verses as signs from God, etc. The book is full of imagery, while the mission of the bearer of a new religious revelation which the Bab claimed for himself is indicated by special symbolism employed by the founder of the Babi Faith in this book. The study is based on the text of a very early manuscript which originated during the Bab's life-time.